

Academic journal:
“LITERARY STUDIES:
contemporary paradigms”, 2026, vol. 2
№ 1 (3) pp. 118-129
ISSN 3093-9003 (online)
<https://journals.nuu.uz/index.php/literarycriticism>

THE FUNCTION OF DUALITY AS A FEATURE OF MAGICAL REALISM IN THE NOVEL MY CHILDREN

Feruza Makhkamovna Irkabaeva

PhD, Senior Lecturer
Department of Russian Literary Studies

Abstract. The article examines the function of duality as one of the key features of magical realism in Guzel Yakhina's novel *My Children*. The paper explores the transformation of the principle of duality, characteristic of Romantic aesthetics, within the artistic system of magical realism, where the interaction between the real and the unreal worlds becomes a means of comprehending historical reality, the inner world of the protagonist, and the processes of the individual's spiritual transformation.

The study focuses on the image of the novel's protagonist, Jakob Bach, whose evolution is revealed through the constant interaction of two spaces: the real world of Gnadenthal, connected with the historical events of the era, and the unreal space of Udo Grimm's farmstead, filled with mythological and fairy-tale elements. The article analyzes how the protagonist's transition from one world to another reflects changes in his consciousness, inner crises, and attempts to overcome life's hardships. Particular attention is paid to the key stages of Bach's spiritual transformation: his love for Klara, life on the farmstead, the experience of loss, the realization of fatherhood, and his turn to the creation of fairy tales. It is demonstrated that the unreal world becomes for the protagonist not a form of escape from reality, but a way of comprehending tragic reality and restoring inner integrity.

The article also examines the artistic details and symbolic images in the novel, including the image of the screen, the motif of the thunderstorm, folklore elements, and fairy-tale motifs, all of which play an important role in shaping the poetics of duality. In conclusion, the study argues that the principle of duality in *My Children* performs not only compositional and plot-related functions, but also serves as the primary means of revealing the novel's philosophical concept, reflecting the interconnection between historical memory, personal identity, and the creative essence of the human being.

Keywords: novel, magical realism, duality, real and unreal, artistic functions.

For citation: Irkabaeva, F. M. The function of dual world as a sign of magical realism in the novel "My Children" / F. M. Irkabaeva. – Text: direct // *Literary Criticism: a Modern Paradigm: scientific and theoretical journal*. – 2026. – № 1 (3). – P. 118–129.

Современная Литература / Contemporary Literature

УДК 821.161.1.09-31 + 82-312.1

Иркабаева Феруза Махкамовна

PhD, старший преподаватель
кафедры русского литературоведения

ФУНКЦИЯ ДВОЕМИРИЯ КАК ПРИЗНАК МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ «ДЕТИ МОИ»

Аннотация. Статья посвящена исследованию функции двоемирия как одного из ключевых признаков магического реализма в романе Гузель Яхиной «Дети мои». Рассматривается трансформация принципа двоемирия, характерного для романтической эстетики, в художественной системе магического реализма, где взаимодействие реального и ирреального миров становится способом осмысления исторической действительности, внутреннего мира героя и процессов духовной трансформации личности.

В центре исследования находится образ главного героя романа – Якоба Баха, чья эволюция раскрывается через постоянное взаимодействие двух пространств: реального мира Гнаденталя, связанного с историческими событиями эпохи, и ирреального пространства хутора Удо Гримма, наполненного мифологическими и сказочными элементами. Анализируется, каким образом переход героя из одного мира в другой отражает изменения его сознания, внутренние кризисы и попытки преодоления жизненных потрясений. Особое внимание уделяется ключевым этапам духовной трансформации Баха: любви к Кларе, жизни на хуторе, переживанию утраты, осознанию отцовства и обращению к созданию сказок. Показано, что ирреальный мир становится для героя не формой ухода от действительности, а способом осмысления трагической реальности и восстановления внутренней целостности. В статье анализируются художественные детали и символические образы романа, в частности образ ширмы, мотив грозы, фольклорные элементы и сказочные мотивы, выполняющие важную функцию в формировании поэтики двоемирия. В заключении мы приходим к выводу, что принцип двоемирия в романе «Дети мои» выполняет не только композиционную и сюжетную функции, но и становится основным средством раскрытия философской концепции произведения, отражающей взаимосвязь исторической памяти, личностной идентичности и творческого начала человека.

Ключевые слова: роман, магический реализм, двоемирие, реальный-ирреальный, художественные функции.

Для цитирования: Иркабаева, Ф. М. Функция двоемирия как признак магического реализма в романе «Дети мои» / Ф. М. Иркабаева. – Текст: непосредственный // Литературоведение: современная парадигма: научно-теоретический журнал. – 2026. – № 1 (3). – С. 118–129.

Ф. М. Иркабаева. ФУНКЦИЯ ДВОЕМИРИЯ КАК ПРИЗНАК МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ «ДЕТИ МОИ»

В современной литературоведческой науке особое внимание уделяется изучению художественных приемов, способствующих созданию многослойного восприятия реальности в художественных текстах. Одним из таких приемов является двоемирие.

Двоемирие – термин, характерный для романтизма, которое трактуется как «наиболее универсальный конфликт художественной литературы, концентрирующий в себе все возможные бинарные конфликтные оппозиции, воплощение двуединой сущности мира – духовного и материального, невидимого и легко ощутимого» [1, с.1]. Принцип двоемирия в художественной литературе претерпел изменения, вышел за рамки романтизма, занимая важное место в магическом реализме. Так, например, по мнению современного исследователя Е.Г. Масловой, важными признаками магического реализма является «изображение двух художественных миров (реального и ирреального) рационалистическое видение реальности и принятие логики сверхъестественного как части обыденной жизни» [2, с.3.]. В условиях магического реализма принцип двоемирия приобретает новые функции: он позволяет автору одновременно передавать рациональное восприятие событий и их сверхъестественную, сказочную интерпретацию, раскрывая глубинные психологические и духовные трансформации героев.

Роман современной российской писательницы Гузель Яхиной «Дети мои» представляет собой яркий пример реализации этого принципа. Роман, повествующий о судьбе российского немца Якоба Баха, представлен двумя типами пространства – реальным пространством города Гнаденталь, где происходят исторические события (Гражданская война, голод 1932–1933 годов, коллективизация), и ирреальным пространством хутора Удо Гримма, где происходят сверхъестественные события. Автор через сочетание реального и ирреального показывает эволюцию главного героя, Якоба Баха, от неприметного сельского учителя до творца новой реальности и хранителя фольклорной традиции. Двоемирие здесь не только формирует художественный образ героя, но и становится инструментом философского осмысления личных и исторических потрясений, переживаемых героем. Ирреальность и реальность в романе переплетаются, создавая уникальную структуру повествования, в которой внутренний мир персонажа отражает внешние события, а внутренние метаморфозы героя – суть магического реализма.

Одной из главных функций двоемирия в романе «Дети мои» является формирование образа главного героя: из робкого и забитого учителя главный герой трансформируется в сильную, целеустремленную личность.

Главным посылом для этого стала кощунственность реального мира, приведшая героя к своеобразному протесту – в уход в мир ирреальности, так как ирреальность стала единственным способом осмыслить происходящее, выжить в условиях страшных личных и исторических событий, принять социально-исторические перемены и обрести себя.

В романе перемежаются реальный и ирреальный миры: Бах, ведя размеренную жизнь в Гнадентале, иногда переходил в ирреальность, подставляя свое тело под громы и молнии; с переездом на хутор миры меняются местами. Живя в ирреальном мире мифологического пространства хутора, Бах иногда окунается в реальный мир Гнадентала, осознав его враждебность, снова уходит в ирреальность хутора. Следует отметить, что сознание героя меняется под воздействием таких внешних и внутренних обстоятельств, как любовь к женщине, перемещение в другое пространство, изменение образа жизни, потеря любимой женщины, отцовство, создание сказок. Эти события есть эволюционные веки пути, когда неприметный сельский учитель перерождается в сказочника-пророка, способного вершить судьбы людей и изменять реальность.

В первой главе романа «Жена» изображена размеренная жизнь сельского учителя Якоба Ивановича Баха. Герой особо выделяет свою деятельность звонаря, дни его «каждый из которых напоминал предыдущий и ничем особенным не выделялся» [3,с.15], а «Гудение колокола Бах считал своим единственным достойным вкладом в звучащую вокруг симфонию жизни» [3,с.19]. Герой был ранимым, чувствовал неуверенность, сторонился людей.

Портретная характеристика дополняет образ героя: «...голос Бах имел тихий, телосложение чахлое, а внешность – столь непримечательную, что и сказать о ней было решительно нечего. Как, впрочем, и обо всей его жизни в целом» [3,с.34]. Единственной странностью героя, выделяющей его, была страсть к весенней грозе, в моменты которой «...тело его вдруг становилось чужим: скелет и мускулы словно не помещались под кожей и распирали ее, грозя прорвать, сердце пульсировало в глотке и в кончиках пальцев, в мозгу что-то гудело и звало» [3,с.39].

Трансформация сознания главного героя начинается с момента встречи с Кларой. Для того, чтобы более выпукло показать характер взаимоотношений Баха и Клары, автор вводит в повествование образ ширмы. Образ ширмы наделяет сюжет романа особенным смыслом, соотнося его со сказочными мотивами: герой должен раскрыть тайну, скрытую за ширмой. Клара раскрывает ее: «Отец боится – наконец заговорила Клара, но опять умолкла, в затруднении подбирая слова, – ...что,

глядя на постороннего мужчину, я стану вместилищем греха» [3, с.8]. Ширма наделена сакральным смыслом: герои лишены возможности установить зрительный контакт, но при этом устанавливается и еще больше

расширяется их вербальный контакт: «Лишенный возможности наблюдать лицо девушки, он сосредоточился на ее голосе – тихом и тонком, часто начинающем дрожать» [3, с.122].

Образ ширмы появляется при первом знакомстве учителя и ученицы и фигурирует на протяжении нескольких месяцев учительствования. Сначала Бах недоумевает, затем злится на отсутствие зрительного контакта с ученицей, и в конце концов осознает и признается самому себе, что ширма является для него спасительной стеной: «Мудр, ох как мудр был Удо Гримм, воздвигнув между ними спасительную стену!» [3, с.218].

Впервые герои видят друг друга после побега Клары, однако и тогда мотив ширмы косвенно присутствует в тексте в виде образа ночи, но уже из желания Баха: «Той ночью он солгал ей, что керосиновые лампы пусты. Зажечь свет и увидеть ее лицо было невыносимо, этого бы не вынесло утомленное Бахово сердце» [3, с.153]. Истинной функцией ширмы является прием противопоставления, подчеркивающий полярность духовного мира героев: Бах – ученый муж, интеллигентный, вобравший книжную культуру и Клара – малограмотная девушка, вобравшая исконно-немецкую древнюю культуру предков.

Герой склонен к саморефлексии – Бах смог понять свои ощущения от знакомства с девушкой, проанализировав свое психоэмоциональное состояние. Гамма эмоций, вызванная визитом на хутор и общением с ученицей, отмечена Бахом как удивительная, никогда ранее не проявлявшаяся в его жизни: «Понял, что сегодня он кричал от злости, хохотал, боялся, был откровенным – как никогда в жизни. И ни разу при этом не заикнулся» [3, с.361]. Вспомнив свое обычное состояние («Обычно он замыкался в обществе – как черепаха втягивает голову и лапы под крепкий панцирь, – чтобы ненароком не быть обиженным» [3, с.341]) герой замечает изменения в себе. Зародившаяся в его душе любовь к женщине изменила сознание героя. Даже весенние бури, занимавшие особое место в жизни героя, отходят на второй план: «Воистину присутствие Клары творило с Бахом удивительные вещи. Даже грозы – могучие заволжские грозы, с косматыми синими тучами в полгоризонта и вспышками молний в полнеба, – потеряли над ним всякую власть» [3, с.378]. Одиноким отшельником, неуверенным в себе, хилым и слабым рядом с Кларой

чувствовал себя «...могучим и всевластным, словно находился в центре грозы, словно кровь его была полна обжигающим весенним электричеством» [3, с.283]. Любовь изменила героя настолько, что он решается ради любимой женщины бросить родной город.

Интересен образ Клары как представительницы народной немецкой культуры. Клара говорит на немецком диалекте. Бах как истинный знаток слова считает ее речь редкой находкой, вбирает в себя все, что слышит: сказки, легенды, приметы, прибаутки, питаясь ими как родниковой водой. Происходит своеобразный ментальный обмен: Клара обогащает Баха народной культурой, а Бах напитывает Клару культурой книжной, результатом которого становится дневник Клары, который героиня за неимением бумаги вела на стенах собственной комнаты.

Бах как филолог восхищается не только внешностью избранницы, но и ее познаниями в фольклор. Частотность употребления слов «из народа», становилась единственным способом общения героев, своеобразным мостом между душами героев. Все бытовое, каждодневное, казалось мимолетным, преходящим, лишь народная мудрость имеет высокую ценность для героев, поэтому Бах и Клара начинают жить фольклором: «Он просил Клару, как и раньше, рассказывать ему сказки – и она прилежно рассказывала, по первому, второму и десятому разу: про лесорубов и рыбаков, трубочистов и садовников, про золотые яблоки и серебряных говорящих рыб» [3, с.159].

Союз Баха и Клары как символ слияния двух культур показывает полярность духовного мира героев. Если Бах черпает народную мудрость из книг, то для Клары – это привычная среда обитания, образ жизни, способ существования. Героиня выросла на сказках старухи Тильды, не видя жизни за пределами хутора, поэтому тот культурный код, переданный сквозь призму народной мудрости, позволил ей вобрать в себя всю соль земли. Клара становится олицетворением мудрости, жизненной силы, а фольклор, сопровождавший ее всю жизнь, становится частью души, образом мыслей и образом жизни героини: «Тексты же песенок и шванков, которые напевала Клара, все ее пословицы и поговорки, просторечные прибаутки и присказки, наоборот, были близки и родны хутору, как вездесущая трава или паутина, как запах воды и камней; они шли этой уединенной жизни и росли из нее» [3, с.445].

Следующим шагом на пути трансформации личности героя становится переезд на противоположный берег – хутор Удо Гримма. Условия жизни в пространстве хутора меняют поведенческий потенциал героя: «Бах был теперь и лесоруб, и рыбак, и трубочист, и садовник. Он выучился всему:

рубить деревья, ловить в силки зайцев, варить смолу и заливать тем варевом прохудившееся днище ялика, латать соломой крышу, мазать глиной щели в полу, чистить колодец, белить известью шершавые яблоневые стволы в начале года и кутать их ветошью и камышом в конце. Выучился всему, что было по-настоящему нужно для жизни» [3, с.300]. Происходит процесс перерождения героя: «Пусть руки его были неумелы, движения неловки, пальцы слабы, но каждое справленное дело приносило радость, словно был Бах не взрослым мужчиной, а ребенком» [3, с.191]. Характер настойки, которая во многих сказочных сюжетах присутствует в виде наливки/настойки/снадобья и является дурманящим или смертоносным средством. В данном тексте она послужила способом скрепления договора между Бахом и Удо Гриммом и оказалась меняющим сознание главного героя средством: «И в тот же миг что-то изменилось вокруг...хутор, до этого суровый и мрачный, вдруг пробудился и наполнился жизнью....вздорными и смешными показались собственные страхи» [3, с.159]. Герой увидел на хутор с положительной стороны.

Употребление наливки повлияло не только на внутренние ощущения героя, но и на время-пространство, перенеся героя в сказочную реальность. Путь на хутор казался герою длительным и изнуряющим. После употребления наливки пространство вокруг него меняется восприятие темного бора, который кажется ему «уже не дикой пущей, а по-весеннему светлой рощей» [3, с.201], ускоряется и время: «Вскоре Бах заметил, что ноги несут его по тропе удивительным образом – каждый шаг преодолевает расстояние в пять, а то и десять аршин – так что на хребте склона он оказался в считанные минуты» [3, с.311].

Наливка переносит героя в условия магической реальности, но ее основная функция – остановить Баха во времени и пространстве, помочь ему разглядеть мир вокруг себя: «Открывшийся с высоты вид был совершенно поразителен, и Бах замер, позабыв себя: Волга простиралась перед ним – ослепительно синяя, сияющая, вся прошитая блестками полуденного солнца, от горизонта и до горизонта. Впервые он обозревал столь далекие просторы. Мир лежал внизу – весь, целиком» [3, с.425]. Обычный учитель из Гнаденталя, каждодневно исполняя свой священный долг перед учениками и гражданский долг перед односельчанами (бить в колокол), остановился и сосредоточился на мире, на вечности, осматривая Волгу и небо. По авторскому замыслу с помощью наливки, Бах должен был понять, что он – часть мира, часть Вселенной.

Изменение образа жизни повлекло за собой духовную трансформацию героя. Учитель Бах, всю свою сознательную жизнь оперировавший словом,

«строгим и выпранным высоким немецким» [3, с.432], осознает, что «в начале было не слово, а дело – это он теперь знал наверное» [3, с.296]. Слова стали для героя излишними, ведь любимая женщина понимала его с полуслова. Необходимость использования слов в отношениях с Кларой отпала, поэтому скупость слов «...делала эту жизнь ощутимей, а сами слова – весомей» [3, с.356]. Герой стал иначе воспринимать каждое слово, ведь оно стало звучать «...так ясно и мощно, словно он писал их черной тушью на пылающем закатном небе, словно вышивал золотом и драгоценными камнями по простому льну» [3, с.156].

Изменению подверглась и внешность героя. Некогда хилый Бах превращается в сильного, умелого человека: «Руки его быстро огрубели, кисти чуть увеличились в размерах и потяжелели» [3, с.153]; одежда Баха («засаленный пиджачок и прохудившиеся брюки» [3, с.154]) заменяется на «объемистые рубахи; широкие штаны без пуговиц, на завязках, меховую тужурку без рукавов» [3, с.230]. Герой видит глубокий скрытый смысл в изменениях своей внешности: он становится достойнее других окружающих его мужчин. Так, любовь к женщине, перемещение в другое пространство, изменение образа жизни становится причиной физической и духовной трансформации главного героя романа, перерождения в новую личность – сильную, уверенную в себе.

Следующим этапом на пути формирования мировоззрения героя становятся вторжение грабителей и смерть Клары. После этих событий герой теряет смысл прежней жизни, но обретает новый смысл жизни в лице новорожденной Анче.

Бах, тяжело переживая насилие грабителей над любимой женщиной и собственное бессилие, впадает в прострацию: «С того дня разговаривать перестал» [3, с.323], что явилось выражением своеобразного протеста Баха против несправедливости жизни.

Посеянное насильниками семя в чреве Клары вызывает у героя ряд чувств: отторжение от Клары («Бах вновь стал спать на лавке у печи» [3, с.422]), страх («Бах боялся этой новой женщины, красивой и равнодушно-ласковой, боялся, что она пришла навечно заменить прежнюю Клару, понятную и родную» [3, с.435]), ужас, который наводила «...мысль о том, что чужое семя, столь чудовищным образом занесенное в чрево любимой женщины, закрепилось и проросло в ней, живет, питается ее соками, набирается сил» [3, с.347]; затем «пришла пора омерзения» [3, с.347], конечным ощущением стало чувство жалости («...когда Кларе стало тяжело ходить – вдруг навалилась жалость к ней» [3, с.348]). Так герой проходит сложный путь формирования сознания от отторжения через жалость к

мудрому решению: «Пусть быть этому ребенку, чужому, незнамо какому. Кларе радость – и хорошо. Пусть» [3, с.348].

Следующим потрясением становится смерть Клары, которую герой отказывается осознать. Осознание смерти Клары приводит его в оцепенение и погружает в другой мир, в котором слова и звуки исчезают, осознание реальности отсутствует: «Легчайшим усилием воли Бах поднялся над берегами и обозрел их сверху» [3, с.378]. Бах, отрываясь от реального мира, смотрит на все как бы со стороны, в том числе и на себя: «И себя в леднике увидел» [3, с.379]. Баху открывается другой мир, на который он может посмотреть с высоты птичьего полета, и он открывает для себя его красоту и величие. Мир в сознании героя представлен в застывшем виде, даже мышь, бегающая по лесу, останавливается в прыжке: «...тельце ее замерло в длинном прыжке» [3, с.380]. Переместившись в другой мир, Бах может творить чудеса в собственном сознании, но отказывается ради «...прекрасной покинутой женщины» [3, с.382] и возвращается в ледник. Потерю возлюбленной герой будет восполнять мысленными монологами, обращенными к умершей Кларе, которые вкраплены в повествование на протяжении всего романа.

Окончательно вернуться в реальную действительность герою помогает новая родившаяся жизнь: «Пальцы и ладони Баха, только что не умевшие различить на ощупь лед и горячий металл, вновь обрели чувствительность, будто лопнули покрывавшие их толстые перчатки или слезла короста» [3, с.388]. В момент тактильности героя с ребенком игра сознания прекращается, наступает конец поисков – разгадка, которую Бах «...силился понять все утро» [3, с.389] нашлась: «Разгадка была проста, длиной в одно короткое слово. Клара – умерла» [3, с.390]. Символичным становится «...исходящий от ребенка жар» [3, с.399], вызывающий слезы и возвращение героя в реальность. Следующим этапом эволюции главного героя становится отцовство, к осознанию которого герой приходит не сразу.

Новорожденная вернула героя в реальный мир, но не вызвала почти никаких трепетных чувств кроме досады и злости. Бах видит в ребенке барьер на пути к единению с Кларой и решает подкинуть его в Гнаденталь, но барьер вскоре оборачивается мостиком между им и Кларой, ведь новорожденная была копией матери: «Девочка была похожа на мать, похожа удивительно» [3, с.401], в лице ребенка не было никакого сходства с насильником. Герой вдруг понимает, что в первую очередь этот ребенок был частичкой его любимой женщины, поэтому оставить ребенка под

дверь бывших соседей – это «...предательство по отношению к Кларе, которая ждала на хуторе» [3, с.415].

Сходство новорожденной с Кларой возвращает героя к жизни окончательно и бесповоротно, порождает отцовские чувства. Теперь герою некогда погружаться в безутешную скорбь и печаль, он начинает заботиться о девочке, готов ради нее на все: украсть необходимое ребенку молоко, при кормлении младенца, не умеющего пить из ложки, превратить край своей рубахи в соску, перестирать ворох испачканного младенцем белья, укачивать ребенка. Бах стремится быть с ребенком, мысленно прося прощение у умершей Клары за свое отсутствие: «Сейчас я не могу остаться с тобой. Ты же видишь, твой ребенок творит со мной странные вещи» [3, с.411].

Внешнее сходство новорожденной с Кларой порождает в герое новые, приятные ощущения, которые усиливаются сходством матери и дочери, которое возвращает героя в прошлое – напоминает чувства, испытанные Бахом в первый день знакомства с Кларой («Впервые Бах наблюдал рядом с собой существо, настолько более слабое и беззащитное, чем он сам» [3, с.418]). Огромная, жилистая рука Баха контрастирует с крошечными ручками младенца: «...рука эта была рядом с младенцем – всемогущая: могла продлить робкую жизнь или отнять ее» [3, с.419], являясь символом продолжения жизни, большая отцовская рука позволит маленькой ручке дочери вырасти, войти в жизнь. Символично и традиционное омовение героя в баке после омовения новорожденной: «Ополоснул ребенка отваром чистотела и ромашки, затем вымылся сам (обычно мылся после Клары той же водой, что и она, – в этом давно заведенном ими обычае виделся приятный и важный смысл)» [3, с.420]. Тема отцовства в конце первой главы «Жена», активно развивается в главе «Дочь» и последующих главах, раскрывая глубину проблемы отцов и детей в романе и трансформацию мышления главного героя.

Последним этапом в эволюции образа главного героя является сочинительство сказок. Местный чиновник Гофман, в соответствии с требованием времени – изменить сознание людей под советскую действительность – формирует новый тип мышления гнадентальцев, начиная с «замены фольклорных форм» [3, с.423]. Герой понимает, что с этим может справиться лишь человек интеллектуально развитый. Таким в романе является бывший шмельмейстер Бах.

Загнанный в сложнейшую жизненную ситуацию (необходимость кормить новорожденную дочь), Бах раскрывает перед Гофманом свои умения в обмен на стаканы козьего молока. Якоб Бах, потерявший речь –

свой главный профессиональный и социальный инструмент – обретает возможность облекать мысли в слова, но не вслух, а на письме. Герой воспроизводит в памяти и выплескивает на бумагу весь фольклорный фонд гнадентальцев: вспоминает все гнадентальские пословицы и поговорки, историю создания города, сказки, приметы, традиции и обычаи. Воссоздавая фольклор герой начинает осознавать важность своего дела, ведь он обретает иной мир – новый, им выстроенный, где он уже не обычный учитель, одинокий и сторонящийся людей, не простой житель хутора с огрубевшими руками, забывший свою речь и потерявший память, а пророк-сказитель, воссоздающий не только мир Гнаденталя, но и себя самого. Автор, подчеркивая ничем не примечательную внешность Баха, напоминая гоголевского Башмачкина, типичного «маленького человека» «тридцати двух лет от роду», уже начинающего «лысеть и морщиться от близкой старости» [3,с.319], показывает его силу и исключительность, это творец, демиург, человек, создающий новую реальность.

В заключение следует отметить, что принцип двоемирия в романе Гузель Яхиной «Дети мои» выступает ключевым признаком магического реализма, определяющим специфику авторского мировосприятия. Взаимодействие реального и ирреального пространств позволяет Гузель Яхиной создать многослойную модель действительности, в которой историческая реальность, личная трагедия и мифопоэтическое сознание существуют в неразрывном единстве. Двоемирие в романе выполняет сложную систему художественных функций: способствует раскрытию внутреннего мира героя, отражает процессы духовной и психологической трансформации личности, усиливает философскую глубину произведения и формирует особую поэтику повествования. Ирреальное пространство хутора Удо Гримма становится для Якоба Баха способом преодоления исторического хаоса, духовного кризиса и личной утраты. Именно через соприкосновение с мифологическим, сказочным и фольклорным началом герой приходит к осознанию собственной идентичности, внутренней силы и творческого предназначения. Таким образом, роман Г. Яхиной «Дети мои» демонстрирует трансформацию традиционного романтического принципа двоемирия в эстетике современной литературы и подтверждает, что магический реализм становится одним из наиболее продуктивных способов художественного осмысления исторической памяти, национальной культуры и духовного опыта человека XXI века.

Ф. М. Иркабаева. ФУНКЦИЯ ДВОЕМИРИЯ КАК ПРИЗНАК МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ «ДЕТИ МОИ»

Литература

1. Коваленко А.Г. Принцип двоемирия в русской литературе XX века. – М., 2001.
2. Маслова Е.Г. Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества. – М., 2012.
3. Яхина Г. Дети мои. – М., 2018.

References

1. Kovalenko, A. G. (2001). Printsip dvoemiriia v russkoi literature XX veka [The principle of duality in 20th-century Russian literature]. Moscow.
2. Maslova, E. G. (2012). Magicheskii realizm kak paradigma kul'turno-khudozhestvennogo soznaniia sovremennogo obshchestva [Magical realism as a paradigm of the cultural and artistic consciousness of contemporary society]. Moscow.
3. Yakhina, G. (2018). Deti moi [My children]. Moscow.